

На правах рукописи

ИВЫГИНА АЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

**КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА И СПОСОБЫ ЕЕ ОБРАЗНОЙ
ЭКСПЛИКАЦИИ В ТЕКСТОВОМ ПОЛЕ Н.А. ДУРОВОЙ (НА
МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ «ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ»)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елабуга – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка и контрастивного языкознания Филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» в г. Елабуга

Научный руководитель: **Дания Абузаровна Салимова,**
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН

Официальные оппоненты: **Флюза Габдуллиновна Фаткуллина,**
доктор филологических наук, профессор
БашГУ (Уфа)

Светлана Григорьевна Шейдаева,
доктор филологических наук, профессор
УдГУ (Ижевск)

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов», кафедра русского языка и литературы**

Защита состоится 17 февраля 2012 г. в 10 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.275.07 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ: www.lib.udsy.ru.

Автореферат разослан 12 января 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Н.Г. Медведева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее реферируемое исследование посвящено изучению категории пространства и способов его языковой репрезентации в индивидуально-авторской картине мира Н.А. Дуровой, воплощенной в мемуарах «Записки кавалерист-девицы» (далее «Записки...»).

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими причинами и определяется: во-первых, все возрастающим в отечественном языкознании и литературоведении интересом к неоправданно забытым именам талантливых писателей и поэтов и их художественному наследию. Таким является имя Надежды Андреевны Дуровой, – первой русской женщины-офицера и талантливой писательницы XIX века. Творческое наследие Надежды Андреевны Дуровой является «белым пятном» в современной отечественной филологии. Однако ее самое известное произведение «Записки кавалерист-девицы» было в свое время высоко оценено А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, В.А. Жуковским, В.Г. Белинским. Во-вторых, важностью антропоцентричного подхода к исследованию языка конкретного художественного текста как модели отражения индивидуально-авторского сознания. В-третьих, в науке, несмотря на множество философских и филологических исследований, посвященных категории пространства, не выработана единая теория анализа как самой категории пространства, так и пространственных отношений в тексте. В-четвертых, актуальность концепции пространства для лингвистического исследования заключена прежде всего в поиске способов отображения бытия писателем, в возможности синтеза картины мира автора и картины национального сознания путем анализа языковых средств и способов их выражения в тексте. В-пятых, в лингвистических парадигмах отсутствует системный и даже фрагментарный анализ языкового выражения категории пространства в текстовом поле Н.А. Дуровой. Данная работа является первой попыткой анализа способов языковой репрезентации категории пространства как идиостилевой константы в текстовом поле Н.А. Дуровой.

Языковым средствам выражения категории пространства посвящено достаточно большое количество научных исследований (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Е.С. Яковлева, Н.Д. Арутюнова, И.М. Кобозева,

Д.А. Салимова и др.), подробно рассматривающих лексические и грамматические способы номинации как самого пространства, так и пространственных отношений в тексте.

Теоретические основы текстовой категории пространства изложены в научных исследованиях М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Л.Г. Бабенко, Н.А. Николиной, Н.С. Болотновой и др., предложивших различные подходы к типам классификации пространства.

Изучению пространства как категории текста в конкретном художественном произведении с целью выявления особенностей экспликации данной категории с учетом индивидуально-авторской картины мира посвящены исследования В.Н. Топорова, Л.Г. Пановой, Д.А. Салимовой и др.; данная категория стала объектом исследования в целом ряде кандидатских диссертаций (Ю.Ю. Данилова, М.В. Дудорова, Е.Н. Смирнова, Н.Г. Юрасова и другие). Подобный подход к изучению пространства как отражения индивидуально-авторской картины мира позволяет рассмотреть его в виде определенной модели, воспринятой и переосмысленной авторским сознанием.

Объектом изучения в диссертации являются номинативные языковые единицы (в основном – имена существительные), формирующие пространственную парадигму в «Записках кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой и способствующие реконструкции индивидуально-авторской картины мира.

Предметом исследования являются особенности функционирования художественной категории пространства и способов ее языковой (образной) репрезентации в «Записках кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой.

В соответствии с вышеизложенными пунктами **целью настоящего диссертационного исследования** является изучение феномена категории пространства как фрагмента эстетической картины мира писателя и выявление языковых средств и способов их экспликации в текстовом поле Н.А. Дуровой.

Для достижения обозначенной цели предлагается решение следующих **задач**:

– установить природу феномена категории пространства, рассмотрев философскую, филологическую точки зрения по данной проблеме;

систематизировать имеющиеся научные классификации категории художественного пространства и существующие подходы к описанию средств выражения пространственных отношений;

– выработать индивидуальный подход к анализу пространственной картины мира писателя;

– вычленив ключевые лексемы, создающие пространственную картину произведения;

– определить ключевые пространственные образы произведения, описать их функциональную значимость в построении пространственной модели мира писателя;

– выявить и проанализировать лингвистические и экстралингвистические средства создания пространственных образов в структуре текста;

– на основе проведенного анализа охарактеризовать индивидуально-авторские особенности образа мира Н.А. Дуровой в мемуарах «Записки кавалерист-девицы».

Гипотеза исследования. В работе выдвинуто положение о том, что языковой аспект категории пространства выражается через построение комплексной системы равноуровневых единиц, функционально выражающих идейно-философский замысел произведения и отражающих образно-пространственную и художественную организацию текста.

Для решения цели и задач в работе были определены **методы исследования**, применяемые в процессе анализа лексико-семантического уровня текста: метод сплошной выборки, метод научного описания в совокупности его приемов, метод контекстно-ситуативного анализа, оппозитивно-интерпретационный метод, контекстологический анализ, метод интерпретации художественного текста, частично – квантитативный метод.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Индивидуально-авторская модель пространства определяется в текстах Н.А. Дуровой в единицах разных языковых уровней, генерирует идею о существенной значимости данной категории для автора. Реконструкция фрагментов авторской пространственной картины мира позволяет проследить трансформационные процессы в языковом мышлении «кавалерист-девицы».

2. основополагающей характеристикой при описании лексем с пространственным значением является их рассмотрение на основе оппозиции *открытое/замкнутое пространство*. Данная оппозиция играет ключевую роль, соотносясь с главным понятием в художественной концепции автора «свобода» и центральной оппозиционной моделью *свобода/несвобода*, через призму которой автор воспринимает и оценивает окружающий мир и социальную действительность.

3. Ключевыми экспликаторами *открытого пространства* среди категориальных единиц являются лексемемы *пространство* и *простор*, среди лексем-типизаторов и лексем-конкретизаторов – *дорога/путь*, среди топонимов – *Москва* и *Петербург*; специфическая черта данных лексем – способность непрерывно раздвигать границы пространства за счет использования их в порядке нарастания.

4. Ключевыми экспликаторами *замкнутого пространства* являются *дом, комната, горница*, которые в отличие от лексем-образов открытого пространства, непрерывно расширяющих это пространство, напротив, сужают его, что выражается в использовании их в нисходящей градации: *дом – горница – комната*.

5. Описание и реконструкция пространственной индивидуально-авторской картины мира Н.А. Дуровой опирается на понятие «пространственный образ». Анализ пространственных образов осуществляется на основе центральной оппозиционной модели *открытое/замкнутое пространство*, определяющееся через соотнесение с понятиями «свобода – несвобода»; высокая номинативная плотность «свободы», реализуемая посредством локативных лексем, свидетельствует о приоритетной концептуальной значимости данного смыслового поля в плане самоидентификации писателя и перерастает в пространственно-временной континуум.

6. Стержневым образом, репрезентирующим *замкнутое пространство* в мемуарной прозе, является образ *дома*: локус *дома* в тексте формируется при помощи трех маркеров замкнутого пространства: *комната, горница, угол*; стержневым образом, репрезентирующим *открытое пространство* в тексте, является макротопос *свобода* и его маркеры *сад, лес, река, поле, дорога, город*.

7. В языковой картине мира писателя содержание категории триединства *пространства/свободы/несвободы* характеризуется высокой семантической плотностью, порождаемой наличием смысловых зон пересечения с категориями психоэмоциональности и ценностно-оценочности.

Теоретическая значимость диссертации определяется дальнейшим развитием принципов антропоцентризма в лингвистических парадигмах, лексико-семантического анализа категории пространства в художественном тексте. Данное исследование уточняет понятия «художественное пространство», «художественный образ» и продолжает разработку понятия «пространственный образ», его взаимосвязи с психологическим пространством художественного текста, с историко-культурологической составляющей.

Научная новизна работы заключается в том, что исследование посвящено детальному рассмотрению языковых средств, определяющих пространственную организацию мемуаров, с учетом индивидуально-авторской картины мира писателя. Впервые описаны в системе такие составляющие художественного пространства Н.А. Дуровой, как категориальная лексическая единица локативности, топонимы, пространственные образы. Научной новизной характеризуется также лингвокультурное осмысление идеи *пространства/свободы* в сознании носителей русского языка как одной из основных ценностных составляющих языковой личности Н.А. Дуровой.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения данных разработок в практике вузовского преподавания курсов «Филологический анализ текста», «Современный русский литературный язык» и на спецкурсах, посвященных изучению теории текста. Результаты работы могут быть использованы при изучении творческого наследия Н.А. Дуровой в лингвостилистическом аспекте; материалы диссертации могут оказать содействие в музееведении и литературном краеведении.

Материалом исследования стала картотека лексического материала, извлеченная методом сплошной выборки из мемуаров Н.А. Дуровой (Н.А. Дурова. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. – М.: Московский рабочий, 1983. – 479 с.). Нами собрано и проанализировано всего 2000 примеров (слов, словосочетаний с локативными значениями).

Выбор мемуаров («Записок...») Н.А. Дуровой в качестве материала для исследования обусловлен следующим. Надежда Андреевна Дурова – самобытный и талантливый художник слова начала XIX века, однако роль этого автора в мировоззренческом, этическом и что особенно актуально в наши дни – патриотическом – воспитании россиян, а также в формировании эстетических взглядов и вкусов нескольких читательских поколений оценена филологами недостаточно. В 2012-м, юбилейном, году (200-летие Отечественной войны 1812 г.) обращение к биографии и творчеству одного из героев этой войны является попыткой отдать дань памяти тем, кем когда-то гордилась Россия, так как с течением времени эта память и внимание все более ослабевают. Своеобразие жизненной позиции кавалерист-девицы, ее вечные поиски себя и своего места в жизни, несомненно, нашли яркое отражение в экспликации такой важной языковой категории в текстовом поле, как пространство.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были отражены в 8 научных публикациях, две из которых в рецензируемых журналах, включенных в реестр ВАК. Результаты работы обсуждались на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Елабуга, 2008), XIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Москва, 2011), Международной заочной научной конференции «Современная филология» (Уфа, 2011).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, выдвигается гипотеза исследования, формулируются цель работы и ее задачи, положения, выносимые на защиту, указываются объект и предмет исследования, называются источники и методы исследования, сообщаются сведения об апробации полученных результатов.

Первая глава **«Теоретические основы изучения вопроса: философский и филологический аспекты»** посвящена рассмотрению теоретических предпосылок научного исследования категории пространства

и уточнению самого понятия «пространство» на основе изучения философского, филологического подходов к проблеме.

В первом параграфе **«Пространство как философская категория»** рассматриваются наиболее значимые философские теории, в той или иной мере освещающие понятие «пространство»; подчеркивается трансформация в научном знании понятия «пространства» – от древности и до настоящего времени.

Ведущими, относительно философского наполнения понятия «пространство», для данного исследования являются концепции И.Ньютона и Г.Лейбница. В философии за ньтоновской теорией закрепилось название абсолютного (научного) пространства, за теорией Г.Лейбница – понятие относительного пространства. Исследователь Е.С. Кубрякова, анализируя эти две противоположные точки зрения, приходит к выводу, что «Ньютон говорит о геометрическом пространстве именно как о физическом, тогда как Лейбниц считает пространство феноменом познающего мир человека, притом «хорошо обоснованным» феноменом духа... Таким образом, здесь речь идет о разных типах пространств – одном физическом, а другом – ментальном, феноменальном» [Кубрякова:1997, 9].

На наш взгляд, эти теории существенно изменили научное понимание категории пространства и внесли концептуальный вклад в теорию художественного пространства. Понимание пространства в указанном ключе применимо и к исследуемому тексту («Записки...»), в котором находят реализацию физическое и ментальное типы пространства.

Второй параграф **«Категория пространства как объект филологического исследования»** посвящен рассмотрению основных классификаций типов художественного пространства.

В этой части работы рассматриваются теоретические исследования о художественном пространстве М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, Б.А. Успенского, В.Н. Топорова, И.Р. Гальперина, А.Я. Гуревича, М.В. Всеволодовой, Л.Г. Бабенко, А.Вежбицкой, Л.Г. Пановой, Е.С. Кубряковой, И.М. Кобозевой и др.

Центральным, взятым за основу в данном диссертационном исследовании, является литературоведческое понятие «хронотоп» М.Бахтина,

который рассматривал его как «модель отражения объективного мира, творчески воспринятого автором» [Бахтин, 2000: 9].

Основным лингвистическим постулатом данной работы стало понятие «континуума», введенного в научный обиход И.Р. Гальпериным, которое «означает непрерывное образование чего-то, т.е. нерасчлененный поток движения во времени и пространстве» [Гальперин, 2007: 87].

В теоретической части исследования четко разграничиваются понятия «пространство текста» и «пространство художественного произведения». За основу при разведении данных понятий взята концепция Е.С. Кубряковой, которая состоит из положения о том, что пространство текста представляет собой некое семиотическое пространство, состоящее из последовательно связанных друг с другом предложений и сверхфразовых единиц [Кубрякова, 2001]. Под понятием «пространство» художественного текста подразумевается антропоцентрическая модель: «пространство при этом есть промежуток, просматриваемый насквозь, во все стороны» [Кубрякова, 1997:11].

В данном параграфе также подверглись рассмотрению основные классификации пространства, среди которых классификации Е.С. Кубряковой, Л.Г. Бабенко, А.Ф. Папиной, Е.С. Яковлевой, С.А. Борисовой, Н.А. Николиной, Ю.М. Лотмана. На основе изученных классификаций типов пространства (по отношению к текстам Н.А. Дуровой), в качестве ведущих в работе приняты следующие характеристики пространства: реалистичность, конкретность (наличие топографических реалий), образность (наличие эмотивных образов-домнант), психологичность, открытость/замкнутость, динамичность/статичность.

Во второй главе **«Лексико-семантический анализ типов пространства в мемуарах «Записки кавалерист-девицы»** предпринимается попытка выявить и проанализировать типы пространства и ключевые лексемы, выраженные в основном именами существительными, эксплицирующими категорию пространства.

Первый параграф **«Лексемы *простор* и *пространство* как ключевые маркеры открытого пространства»** посвящен лексико-семантическому анализу обозначенных лексем и концептуальных лексем, взаимосвязанных с ними, – *свободы* и *воли*.

В процессе анализа данных лексем было установлено, что ключевым маркером категории пространства, указывающим на его открытость, необъятность, всеохватность, является одноименная лексема *пространство*. Это обусловлено стремлением героини-автора к природным *просторам*, посредством которых она лишь обрела внутреннее *пространство*, т.е. *свободу*.

Нами было установлено, что основной функцией лексической единицы *пространство* является отражение внутреннего стремления героини к свободе, способного реализоваться как на природных просторах, так и вне замкнутого *пространства* дома, комнаты (горницы). Лексема *простор* используется писателем при указании на природное пространство, позволяющее героине выйти за пределы *замкнутого пространства* дома, комнаты (горницы).

Тесную связь, этимологическую и семантическую, в «Записках...» с категориальной единицей *пространство* обнаруживает лексема *свобода*. Применительно к тексту эти слова тесно смыкаются друг с другом, так как *пространство* физическое и внутреннее ощущается главной героиней, в том числе, и на природном *просторе*. Так, *простор* предопределяется *пространством*, тогда как *пространство* в текстовом поле Дуровой только соприкасается с природным *простором*. *Свобода* одновременно становится заместителем как лексемы *простор*, так и лексемы *пространство*, поскольку героиня обретает ощущение свободы как на природных просторах, так и при выходе из замкнутого точечного *пространства* комнаты (горницы): «Любя страстно природу и *свободу*, я все дни проводила бегая по лесным дачам дядиногo поместья...» [Дурова, 1983: 11].

Заметим, что слово *свобода* используется писателем гораздо чаще, нежели лексемы *пространство* и *простор*, в частности *простор* – 3 словоупотребления, *пространство* – 9, *свобода* – 48 примеров), поскольку последние являются лишь средством достижения заветной цели героини – обретение *свободы*.

Лексическая единица *воля* так же, как и *свобода*, приобретает в тексте Н.Дуровой концептуальное значение, поэтому в данном параграфе исследуется взаимосвязь и соотношение ключевых концептов текста – *свобода* и *воля*. Важным в «Записках...» остается вопрос и о соотношении

«свободы и пространства» – «воли и пространства», «свободы и простора» – «воли и простора». Установлено, что *воля* для автора-героини в детские годы является образом безграничного *пространства*, впоследствии она целенаправленно движется к реализации своей цели – обретению *свободы*, которая позволит ей почувствовать внутреннее равновесие и независимость. Однако обретение внутренней *свободы* становится невозможным для героини без расширения внешних границ путем обретения *воли* на природных просторах. В текстовом поле Дуровой просматривается такое соотношение этих понятий «простор – воля», «пространство – свобода». Причем *свобода* и *воля* в контексте «Записок...» понимаются автором-героиней как целенаправленное движение к обретению желанной независимости. Ключевой в этом отношении является фраза: «...Итак, я на воле! Свободна! Независима! Я взяла мне принадлежащее, мою *свободу; свободу!*» [Дурова, 1983: 43].

Во втором параграфе «**Лексемы место, окрестность как ключевые маркеры открытого пространства**» исследуется лексическое значение данных единиц и устанавливается значение, которое реализуется в данном тексте.

В процессе анализа было установлено, что категориальные единицы, эксплицирующие категорию пространства, в тексте «Записок...» обладают способностью, как подчеркнуть широкий охват описываемой картины, так и указать на ограниченное *пространство*, сосредоточенное в его определенной точке. Роль таких лексем играют в мемуарах единицы *место* и *окрестность*. Категориальная единица *окрестность* функционально используется писателем для описания широты, всеохватности картины, лексема *место*, напротив, указывает на определенное пространство, тем самым сосредоточивая внимание читателя на конкретном объекте, попавшем в поле описания писателя. Отметим, что лексема *место* в тексте употребляется 368 раз. Данный статистический факт позволяет утверждать, что характерной чертой прозы Н.А. Дуровой является склонность к определению точного места действия, так как зачастую после лексемы *место* следует широкая описательная характеристика объекта внимания писателя: «*Место, нам доставшееся, так неудобно для оборотов кавалерии, что при первом натиске неприятеля мы не удержим его за собою ...*» [Дурова, 1983: 165].

Таким образом, категориальные лексические единицы *пространство, простор, место, окрестность* создают особое открытое природное пространство в мемуарах. В эстетической картине мира автора они мыслятся как концептуальные, способные дать героине ощущение свободы и независимости.

В работе выдвигается положение о том, что анализируемые лексические единицы аккумулируют в себе транспозиционные смыслы, так как посредством них в тексте происходит постепенное расширение замкнутого точечного пространства, репрезентирующегося макролокусом *дом* и микролокусами *комната, горница* к описанию конкретного пространства, путем использования определенных локативных лексем.

Третий параграф **«Лексемы-конкретизаторы и лексемы-типизаторы, эксплицирующие открытое пространство»** посвящен анализу лексем, указывающих на конкретное пространственное положение героев мемуаров.

Исследуемые лексемы были распределены по трем группам: 1) названия конкретных пространственных координат: *гора, река, болото, ручей, озеро*; 2) лексемы *открытого пространства* естественного происхождения: *поляна, поле, лес, берег, болото, река*; 3) лексемы *открытого пространства* искусственного происхождения: *аллея, сад, дорога, путь, дорожка*.

Центральными в данной группе являются лексемы *дорога* и *путь*. В индивидуально-авторской картине мира писателя часто отождествляются и мыслятся как единые понятия – «жизненный путь» и «пространство пути».

С появлением образа *дороги* в «Записках...» и расширением географического пространства формируется и идея *пути* как нормы жизни главной героини: поэтому очень часто слова *дорога* и *путь*, выступая как синонимичные, являются экспликаторами не только *открытого пространства*, но и *открытого непрерывно расширяющегося географического пространства* «Записок...». С образом *дороги* в тексте появляется и мотив странничества, также непрерывно раздвигающий географическое пространство текста.

В четвертом параграфе **«Антиномия открытое/замкнутое пространство и способы ее репрезентации в «Записках кавалерист-девицы»** рассматриваются многочисленные топонимы как маркеры

открытого пространства и лексемы *дом, комната, горница* как реализаторы замкнутого пространства.

Географическое пространство в мемуарной прозе представлено широким рядом топонимов, однако ключевым макротопонимом становится *Россия*, а его экспликаторами – *Москва* и *Петербург*, структурно значимыми локусами художественного пространства «Записок ...». В текстовом поле Н.А. Дуровой они одновременно тождественны и противопоставлены по отношению друг к другу. Это проявляется главным образом на уровне лексического структурирования исследуемого текста.

Топонимы *Москва* и *Петербург* являются центральными при выстраивании в тексте оппозиции «свое – чужое». Это подтверждается наличием притяжательных местоимений *наша, наши*, прилагательного *родная* при описании данных топонимов как номинантов художественного пространства в произведении: «*Французы вовсе нерасчетливы. Зачем они жгут наш прекрасный город?*» [Дурова, 1983: 178]; «*Вот наша светлая, чистая, великолепная столица! Памятник непобедимого мужества, великого духа и героической решимости бессмертного Петра!*» [Дурова, 1983: 89].

Москва становится в текстовом пространстве писателя символом дома, родины. Дурова именует ее «древней столицей», «сердцем России», «прекрасным городом». Однако восприятие *Москвы* у Н.А. Дуровой крайне обобщенное: выражение авторского отношения к городу репрезентируется через высказывания солдат. И в этом смысле автор является выразителем мысли народной, находящей реализацию в следующей фразе: «... *лучше уж бы совсем лечь мертвыми, чем отдавать Москву*» [Дурова, 1983: 178].

Петербург ассоциируется у писателя с символом роскоши, изящества; автор выстраивает в произведении свое индивидуальное отношение к городу целым корпусом языковых средств (метафоры, перифразы, метонимии и др.). Так, при описании *Петербурга* автор использует перифразы, именуя город «славной столицей русской», «великолепным жилищем царей наших».

В работе делается вывод о том, что топонимы *Москва* и *Петербург*, вступая в произведении в тождественные и оппозиционные связи, являются при этом основой пространственной модели писателя и определяют реальное географическое пространство начала XIX века.

В данном параграфе также было выявлено, что ключевым образом в эстетической концепции автора «Записок...», на основании которого происходит противопоставление образов замкнутого и открытого пространства, становится *свобода*. Макролокус *дом*, пересекаясь с образом *свободы* и приобретая такие дополнительные смыслы как «пространство личной свободы», «душевное пространство», позволяет разграничить и противопоставить пространственные лексемы по принципу *открытости/замкнутости*. Именно через призму образа *свободы* происходит восприятие героиней мемуаров окружающего мира, поскольку именно обретение физической и внутренней независимости становится заветной мечтой для автора- героини.

При соотнесении с понятиями «свобода – несвобода» обнаруживается, что пространственные лексемы в текстовом поле «Записок кавалерист-девицы» вступают в оппозиционные отношения по принципу *открытое пространство/замкнутое пространство*.

Микролокусами, эксплицирующими лексему *дом*, являются номинативы *комната, горница*. Данные лексемы еще более сужают внешнее и внутреннее пространство героини «Записок...», ограничивают ее свободу.

Роли микролокусов закрытого пространства играют лексемы *угол, окно, дверь*. Микролокус *угол*, выступая в роли образа, становится частью замкнутого пространства комнаты: «... *матушка ... не знала границ своей досаде, брала меня в свою горницу, ставила в угол и бранью и угрозами заставляла горько плакать*» [Дурова, 1983: 29]. Но эта же лексема способна положительно коннотатировать пространство, являясь местом уединения героини: «... *я не помня себя от радости, бежала в сад к своему арсеналу, то есть темному углу за кустарником...*» [Дурова, 1983: 30].

Микролокус *двери*, напротив, разрывает замкнутое пространство *дома, комнаты*, размыкая его: «*Мать моя поспешно отпирает эту маленькую дверь и бросается в объятья ротмистра...*». [Дурова, 1983: 26]. Другой микролокус – *окно* – приобретает концептуальное значение в тексте. *Окно* становится для героини выходом в иное, открытое, пространство, дающее ей ощущение свободы: «*В день семнадцатого сентября я проснулась до зари и сидела у окна дожидаться ее появления: может быть, это будет последняя, которую я увижу в стране родной!...*» [Дурова, 1983: 41].

В рассматриваемом параграфе делается вывод о том, что пространство *дома* в «Записках...» представляет собой внешне и внутренне замкнутую модель. Его главными характеристиками являются закрытость, ограниченность, создающие как внешнюю, так и внутреннюю несвободу главной героини повести. Эти характерные черты, подчеркивающие замкнутость *дома*, выражаются зачастую имплицитно, особым использованием лексических средств языка, передающих только эмоциональное состояние героини, находящейся в замкнутом пространстве. Эти лексемы выступают в тексте в роли номинаторов пространственных образов. «*Вечное заключение в горнице и проклятая кружевная подушка делали для меня день моей свободы чем-то волшебным ...*» [Дурова, 1983: 34].

В третьей главе «**Пространственные образы в мемуарах «Записки кавалерист-девицы»**» проанализирована и описана лексика с пространственной семантикой, которая в художественном тексте становится маркером образа пространства.

Первый параграф «**Локусы замкнутого пространства**» посвящен анализу образов *дом, комната, горница*. Существенным положением данного параграфа является тот факт, что в эстетической картине мира писателя номинации, приобретающие значение пространственного образа, отличаются от номинаций с пространственным значением способностью передавать как реалии стандартно-бытового пространства, так и особыми эмотивными, перцептивными характеристиками передавать психофизическое состояние человека, находящегося в конкретном пространстве.

Пространственные образы в текстовом поле Н.Дуровой вступают в оппозиционные отношения по принципу *открытое пространство/замкнутое пространство* на основании соотнесения с концептуальными ментальными понятиями текста «свобода – несвобода».

Стержневым образом, репрезентирующим *замкнутое пространство* в мемуарах, является локус *дома*. *Дом* как общекультурная категория текста, связанная с материальной и духовной сферами жизни человека, приобретает в «Записках кавалерист-девицы» статус образа замкнутого пространства. Восприятие автором-героиней *дома* как «родного места», принятое в славянской культуре, не вписывается в пространственную картину

«Записок...». Отсюда и особое эмотивное восприятие дома как *тюрьмы*, объекта *заточения*.

Лексема-образ *дом*, пересекаясь с образом *свободы*, приобретает такие дополнительные смыслы, как «пространство личной свободы», «душевное пространство. Замкнутое ограниченное пространство дома воспринимается героиней как ограничение ее внешней и внутренней свободы, вынужденное заточение. В тексте это передается при помощи разнообразных лексем, выраженных как именами существительными, прилагательными, так и глаголами, наречиями, лишь косвенно указывающими на несвободу главной героини, вызывающими у нее отрицательные ассоциации типа *не позволяла, не дозволяла, взаперти, тягостное иго, вечное заключение в горнице*.

Макролокус *дома* дополняется микролокусами *комнаты, горницы*, репрезентирующими его и создающими образ *дома* как замкнутого пространства. Статус образа данные лексемы приобретают при наделении их автором особыми эмотивными и перцептивными характеристиками. Ключевыми здесь становятся эмотивные лексемы *страх, печаль, наказание*: «Только сонную и можно было отнести меня в горницу; но когда я не спала, то при одном виде *материной комнаты я обмирала от страха* ...» [Дурова, 1983: 29]. В тексте не встречаются описания внешнего облика дома, его внутреннего убранства, так как отношение автора к данному локусу строится только на ассоциативно-эмоциональном уровне. Характерной особенностью и при создании образа *комнаты* также является отсутствие подробного описания предметов, ее заполняющих. Образ комнаты создает лишь особым образом использованная предметная лексика, связанная с рукоделием, названия окружающих предметов героини в ее комнате: *кружево, подушка с кружевом, кружевная подушка, пальцы, холстинный шар*. Но отношение героини к рукоделию и соответственно к данным предметам негативное, поэтому в контексте «Записок...» они наделены отрицательной семантикой, выражающейся в использовании атрибутивной лексики: *проклятая кружевная подушка, отвратительная пуганица*. Автор намеренно указывает лишь на те предметы, заполняющие пространство комнаты, которые вызывают в ней чувство отвращения, так как, во-первых, заточение в комнате являлось жестоким наказанием для юной героини, а, во-вторых, еще более жестоким наказанием для нее было занятие привычными для женщины

домашними делами: *«От утра до вечера сидела я за работою, которой, ..., ничего в свете не могло быть гаже ...»* [Дурова, 1983: 33].

Пространство *комнаты (горницы)* в тексте способно сужаться и иметь определенные границы. Для этой цели автором используются лексемы-образы *угол, окно, дверь*, являющиеся экспликаторами точечного пространства в тексте. Микролокусы *окна* и *двери* приобретают двойственное значение в контексте произведения. Во-первых, это объекты реальной действительности, ограничивающие и замыкающие бытовое пространство, и одновременно служащие преградой между замкнутым пространством комнаты и открытым природным пространством: *«Отворяя дверь в зал отцовского дома, я услышала как маленькая сестра моя, Клеопатра, говорила: «Подите, маменька, какая-то барышня приехала!»* [Дурова, 1983: 38]. Однако, с другой стороны, микролокусы *окно* и *дверь* становятся для героини средством выхода из домашнего замкнутого пространства в иное пространство, наполненное *свободой и волей*: *«В день семнадцатого сентября я проснулась до зари и сидела у окна дожидаться ее появления ...»* [Дурова, 1983: 41] и *«Наконец дверь отцовского дома затворилась за мною...»* [Дурова, 1983: 43]. Поэтому единственный раз в «Записках...» пространство комнаты героини наполняется природным естественным светом и цветом, получающими положительную коннотацию: *«В это время занялась заря, скоро разлилась алым заревом, и прекрасный свет ее, пролившись в мою комнату осветил предметы ...»* [Дурова, 1983: 41].

Замкнутость пространства *дома* подчеркивается автором использованием статичных картин при описании микролокусов *комнаты, горницы*. Писатель передает их частым использованием глагола *сидеть* со значением «отсутствия движения»: *«... я должна была целый день сидеть в ее горнице и плесть кружева»* [Дурова, 1983: 30]. Глаголы со значением активного действия при описании замкнутого пространства комнаты, редко появляющиеся в тексте, приобретают, однако, отрицательную семантику: *не могла, не умела, не хотела уметь делать, рвала, портила, путала*.

Таким образом, внешне и внутренне замкнутое пространство, угнетающее героиню, побуждает ее к движению, к поиску своего жизненного пути.

Во втором параграфе «Топосы открытого пространства» подвергается анализу образ *свободы* и его экспликаторы *сад, поле, реки, лес, путь, дорога, город*, являющиеся центральными элементами при создании открытого пространства. Эмотивное пространство открытого характера, в отличие от многих других авторов, Н.А. Дурова передает лексемами *мрак, темнота*. Они воспринимаются героиней как символы, размыкающие закрытое пространство *дома, комнаты* и расширяющие его. Выход героини за пределы замкнутого пространства *дома* происходит только с наступлением сумерек. Символом, разрушающим преграды, границы замкнутого пространства и открывающим героине вместе с физическим и внутреннее пространство, становится образ *мрака*: «... я... готова была в *глубокую полночь* идти на кладбище, в лес, в пустой дом, в пещеру, в подземелье» [Дурова, 1983: 32]. Внутреннюю свободу предельно расширяют образы *молчания* и *тишины*: «я ... окруженная *мертвою тишиною леса и мраком осенней ночи*, погрузилась в размышления...» [Дурова, 1983: 43]. *Ночь* и ее узловый образ *мрак* нарушает видимость, разрушает замкнутое пространство *дома* и *комнаты* и тем самым расширяет внутреннее пространство героини, дает ей свободу. *День*, напротив, становится символом, предельно сужающим как физическое, так и внутреннее пространство героини до образа *дома* и замыкающим его в пространстве *комнаты*.

Подобное восприятие образов *темноты* и *мрака* как эмотивных доминант текста и лексем, их замещающих, является особенностью пространственной картины мира писателя. В этой связи можно говорить и об особой акустической организации повествования: точнее, отсутствие звуков как признака умиротворения, единения с природным открытым пространством, обретения чувства *свободы*.

Таким образом, в текстовом поле Н.А. Дуровой происходит соприкосновение и взаимопроникновение пространственно-временных характеристик. *День* становится временным символом замкнутого пространства, *ночь* – открытого пространства.

Примечательным является и то, что свой побег из дома героиня-автор совершает именно ночью, когда надзор матери за ней ослабевает. Совершая побег, она расширяет как свое внутреннее пространство, так пространство произведения. И последующее повествование все более и более расширяет

внешнее и внутреннее пространство, которое эксплицируется образами *сада – леса – реки – горы – дороги – селения – города – столицы – страны – родины*.

Характеристика данных образов и восприятие их автором-героиней происходит через соотнесение с ключевым, концептуальным макротопосом «Записок...» *свободы*. Значимость данного образа для пространственной картины мира писателя объясняется автобиографическими фактами жизни Н.А. Дуровой, с раннего детства стремившейся к независимости, *свободе*. В связи с этим образ *свободы* нам представляется возможным обозначить термином «субъективный топос», поскольку в традиционной картине мира и индивидуально-авторском мировосприятии большинства художников слова *свобода* является скорее символом, чем образом, позволяющим обрести душевное спокойствие и внутреннее уединение. Одной из идиолектных черт Н.Дуровой в восприятии топоса *свободы* является неразрывная связь свободы внутренней и внешней. Ощущение внутренней *свободы* без природного простора (внешнего) немислимо для героини: «*Природа, поселив в душе моей любовь к **свободе** ... дала мне неисчерпаемый источник радостей ...*» [Дурова, 1983: 199].

По мнению исследователя Н.Д. Арутюновой, вторым после *человека* статусом образа обладает *город*. В контексте «Записок...» такими центральными топосами города являются микропонимы *Москва* и *Петербург*.

Москва становится в текстовом пространстве писателя символом дома, родной земли. Дурова именует ее «древней столицей», «сердцем России», «прекрасным городом».

Восприятие образа *Петербурга* индивидуально-авторским сознанием, в связи со стремительным развитием гендерных исследований в языкознании, представляет особый интерес для исследователей. Понимание топоса *Петербург* автором-героиней в контексте «Записок...», с точки зрения гендерного подхода, является мужским. Н.А. Дурова в первую очередь воин, защитник родины, поэтому и *Петербург* она воспринимает как символ государственной власти.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования в соответствии с поставленной целью и задачами, намечаются перспективы дальнейшего исследования. Перспективным для данного исследования

являются следующие направления работы: изучение категории пространства на материале всего творческого наследия кавалерист-девицы Н.А. Дуровой; изучение категории времени в текстовом поле «Записок кавалерист-девицы»; проведение сопоставительного анализа восприятия пространства Н.Дуровой с другими авторами-женщинами (например, З.А. Волконской, Е.А. Ган, А.Я. Панаевой и др.); экспликация категории пространства и времени как одного континуума в произведениях, основанных на реальных событиях и имеющих особую историко-культурную ценность; изучение текстового поля автора в гендерном аспекте, который также может стать предметом новых исследований творческого наследия Н.Дуровой.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерством образования и науки РФ:

1. Ивыгина А.А. «Пространство» как лексема и текстовая категория: способы его репрезентации в мемуарах Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» [Текст] / А.А. Ивыгина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал. – Челябинск. – № 25 (240) 2011. – С. 73 – 77.

2. Ивыгина А.А. Лексема *Дом* и способы ее репрезентации в эстетическом пространстве «Записок кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой [Текст] / А.А. Ивыгина // Вестник Вятского государственного университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал. – Киров № 3 (2) 2011 – С. 24 – 26.

II. Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3. Ивыгина А.А., Пупышева Е.Л. Краеведение в системе обучения и воспитания школьников на уроках русского языка / А.А. Ивыгина, Е.Л. Пупышева // Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и школе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2008. – Елабуга: «Издательство ЕГПУ», 2008. – С. 188 – 190.

4. Ивыгина А.А. Своеобразие экспликации пространственных образов в произведении Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» [Текст] / А.А. Ивыгина // Современная филология: материалы Международной заочной конференции 2011 г. – Уфа: «Молодой ученый», 2011. – С. 85 – 88.

5. Ивыгина А.А. Лексемы статической локализованности в текстовом поле Н.А. Дуровой / А.А. Ивыгина // Актуальные проблемы русского языка и методики ее преподавания: традиции и инновации: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Москва: РУДН, 2011. – С. 183 – 187.

6. Ивыгина А.А. *Свобода* и *Воля* как ключевые ментальные категории восприятия пространства в мемуарах Н.А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» [Текст] / А.А. Ивыгина // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: Материалы I международной научно-практической конференции 20 – 21 октября 2011. – Москва, 2011. – С. 163 – 167.

7. Ивыгина А.А. Топонимы *Москва* и *Петербург* как ключевые маркеры категории пространства в мемуарной прозе Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» [Текст] / А.А. Ивыгина [Электронный ресурс]. – URL: <http://online.rae.ru/931>.

8. Ивыгина А.А. Топос СВОБОДА как ключевой экспликатор эмотивного пространства в мемуарах «Записки кавалерист-девицы» [Текст] / А.А. Ивыгина // Международная научно-практическая конференция Современная филология: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции. – Москва, 2011. (в печати).

Подписано в печать 09.01.2012. Формат 60x84/16.

Объем 1 уч.-изд. л. Тираж 100 экз.

423600, РТ, г. Елабуга, ул. Казанская, 89.